

Т. В. Зацепина-Сенкевич

ИЗ ИСТОРИИ МИНИСТЕРСКОГО КОРПУСА ГЛАВНОГО ШТАБА

Министерским корпусом Главного штаба называют его восточное крыло, в котором в XIX – начале XX века располагались Министерства иностранных дел и финансов. В данной статье мы обратимся к тому периоду истории министерского корпуса, когда во главе МИДа стояли К. В. Нессельроде и А. М. Горчаков, а Министерством финансов управлял Е. Ф. Канкрин. В первую очередь, нас будет интересовать истории строительства и отделки всего здания, а также история наиболее интересных его помещений.

Здание Главного штаба возводилось по проекту Карла Ивановича Росси на Дворцовой площади в течение десяти лет (1819 – 1829). В композиционном отношении оно послужило рамой для Зимнего дворца Растрелли, определив основные контуры главной площади города. Арка, соединяющая два крыла огромной дуги, увеличила пропускную способность площади со стороны Невского проспекта. Здание предназначалось для размещения Главного штаба и двух министерств – финансов и иностранных дел. Как уже было сказано, Министерства располагались в восточном крыле: МИД ближе к Певческому мосту, МИНФИН – к арке.

Для возведения здания была образована Строительная комиссия под председательством тогдашнего министра финансов графа Д. А. Гурьева. Здесь возникает один любопытный момент. В здании будет жить дочь графа Мария Дмитриевна со своим супругом, министром иностранных дел графом Нессельроде.

До начала строительства проекты нового здания были представлены на утверждение царю: генеральный план, фасады, разрезы, поэтажные планы. Наиболее ответственные интерьеры и детали отделки выполнялись в крупном масштабе. Так же делалась и модель. После утверждения были разработаны рабочие чертежи, а затем – отчетные.

В части, принадлежавшей министерствам, предстояло оформить помещения, в которых должен был располагаться бюрократический аппарат: деловые кабинеты и залы; официальные приемные залы; парадные гостиные; полуофициальные, полуприличные жилые помещения для тех, кто возглавлял министерства.

В отделке помещений применяли те же декоративные приемы, что и в Елагинском, и Михайловском дворцах, строившихся также по проектам Карла Росси. В качестве материалов применялся натуральный и искусственный мрамор, шелк¹. Для отделочных работ были привлечены лучшие мастера-декораторы. Это, прежде всего, два выдающихся художника – Джованни Батиста Скотти и Антонио Виги.

Антонио Виги был приглашен из Рима Павлом I для оформления Михайловского замка. На его счету в Петербурге росписи Елагина, Михайловского, Зимнего дворцов, Александринского театра². Джованни Батиста Скотти в Россию попал в

¹ Вейнерт И. Росси. Л., 1932. С. 24.

² Белявская В. Росписи русского классицизма. М., 1940. С. 98.

десятилетнем возрасте, всю свою жизнь прожил здесь и похоронен на Волковом кладбище. В Петербурге Скотти работал с такими выдающимися архитекторами как Воронихин, Тома де Томон, Руска, Монферран и Росси. Его росписи украшали Таврический, Елагин, Зимний дворцы. Оба художника заключили договор на живописную отделку помещений МИДа 7 мая 1828 г.³ На равных с Виги и Скотти участвовали братья Яков и Василий Дадоновы. Ими была расписана анфилада личных комнат графа Нессельроде вдоль Певческого проезда: две гостиные, спальня, туалетная, кабинет графини, угловая комната.

Скромнее всего была украшена полуовальная в плане угловая комната, на сводах и стенах которой Виги написал по стику танцующих девушек, а Дадоновы – яркие букеты. Поле плафона оставлено было чистым и окаймлено бордюром из полихромных купидонов и гризайльного аканта.

Такой же фриз был в первой гостиной, стены которой затянули золотистым штофом с узорами. В светло-зеленом колорите выдержаны мифологические сюжеты, по краям – розетки «под золото», между ними – сидящие полихромные фигуры.

Насыщенная гамма преобладала и в соседней Голубой гостиной. На голубом фоне настенного фриза и бордюрного потолка показаны танцующие амур («под золоченую бронзу» и «под мрамор»). В софите гризайльные панно обрамлены были гирляндами и букетами.

Мифологическими барельефами украшены также тонированные светло-зеленым цветом потолки спальни и большого зала. Есть подобные барельефы и в библиотеке, расписанной с необычной для Скотти тех лет сдержанностью. Соответственно делению зала колоннами и плафон библиотеки расчленен на 3 совершенно симметричные части. Каждый софит по узкой стороне декорирован мифологическим панно, а по широкой – двумя полосами растительно-геометрического узора и медальонами с профилями знаменитых писателей.

Оконченное здание было оштукатурено и окрашено краскою светло-серого цвета. Со стороны Дворцовой площади оно имело 4 этажа, а со двора, с Мойки и во флигелях, включая сараи и конюшни, – пять этажей. Тротуар у здания выложен был гранитным камнем, а около обоих дворов – путиловской плитой в один ряд⁴.

22 августа 1829 г., в период завершения ансамбля Главного штаба, зодчего наградили «знаком отличия беспорочной службы за тридцать лет».

По мере готовности помещений в здание в различное время переместились Министерство иностранных дел и Министерство финансов.

Министерству иностранных дел, которое переехало в 1827 – 1828 гг. из здания Коллегии иностранных дел на Английской набережной, 32, принадлежала в новом здании часть, расположенная вдоль Дворцовой площади, Певческого проезда и Мойки. Здесь служили А. С. Грибоедов и Ф. И. Тютчев, в тайных архивах трудился над историей Петра I Александр Сергеевич Пушкин, до конца своих дней оставшийся чиновником МИДа.

К числу наиболее интересных помещений МИДа относятся его домовая церковь и квартира министра иностранных дел. Но в этом же здании размещались Коллегия иностранных дел, два архива МИДа – Санкт-Петербургский главный архив и Государственный архив Российской империи, канцелярия и чиновники, а также подсобные помещения: кондитерская, пирожная, кухни, ледники, конюшни.

³ Антонов В. В. Живописцы-декораторы Скотти в России // Русское искусство второй половины XVIII – первой половины XIX веков. М., 1979. С. 70.

⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 97. Л. 1. Далее ссылки на фонд 468, опись 35 РГИА даются в тексте с указанием только номера дела и листов.

ДОМОВАЯ ЦЕРКОВЬ МИНИСТЕРСТВ

Как и у большинства государственных учреждений, у Министерств иностранных дел и финансов в восточном крыле здания была своя домовая церковь (так же как была своя непосредственно в части Главного штаба). Она разместилась на четвертом этаже здания по Певческому проезду. Храм был освящен во имя Святого благоверного князя Александра Невского 2 сентября 1828 г. в присутствии архимандрита Евгения, городского духовенства и небольшого хора. (Д. 5. Л. 10 об.) Церковь сохранилась до нашего времени и недавно была отреставрирована. Предназначалась она для небольшого числа людей. Помещение церкви крестообразной формы освещалось через верхние фонари и из окон алтаря. Украшение ее было чрезвычайно изысканное и богатое: стены облицованы искусственным белым мрамором и украшены сдвоенными голубыми коринфскими пилястрами с посеребренными капителями.

Иконостас, белый с позолотой, был вырезан охтинскими резчиками Василием Бобковым и Николаем Тарасовым. Для этого алтаря были написаны пять образов художниками А. К. Виги и Лейбиным⁵. Виги за свою работу получил 19 000 руб. (Д. 95. Л. 5). Царские врата были увенчаны крестом с лучами, в центре которого был помещен образ Благовещения Пресвятой Богородицы. На плоскости дверей по бокам были помещены два образа – Божьей Матери и Спасителя в серебряных ризах. Над вратами образ Тайной Вечери в высеребренной полукруглой резной раме; под ним на кронштейне висела серебряная лампада. По сторонам царских дверей – образа Божьей Матери и Спасителя в резных рамах. На северных и южных дверях – образа архангелов Михаила и Гавриила в высеребренных резных рамах. Иконостас также украшали высеребренные херувимские головки. В алтарной части церкви находилась композиция «Воскресение Христово» в высеребренной резной деревянной раме, а на жертвенном столе стояла дарохранительница, выполненная из малахита. В парусах по традиции были изображены эмблемы четырех евангелистов. (Д. 97. Л. 180 об.)

На стенах церкви слева от алтаря были образа – Рождества Христова, Святого Николая Чудотворца, Святого Андрея Первозванного. Справа – Снятие с креста Христа Спасителя, образа Святого Александра Невского, Святого равноапостольного князя Владимира. Освещали церковь 44 свечи от 4-х огромных деревянных канделябров об одиннадцати рукавах. На полу был устлан дубовый паркет. (Д. 97. Л. 182 об., 183).

Церковная утварь была также необычайно роскошна. Серебряное вызолоченное Евангелие с пятью фарфоровыми образами, серебряный вызолоченный крест с фарфоровыми образами, большая дарохранительница в виде храма с восемью яшмовыми столбами, другая дарохранительница – также серебряная и вызолоченная на малахитовом основании, серебряный вызолоченный потир с четырьмя фарфоровыми образами. И такая необходимая утварь как блюдо для освящения хлебов, кадило, чаша для водоосвящения, лампады, дискос и звезда – и все серебряное с позолотой. (Д. 96. Л. 2 об., 3).

Таким храм этот должен был видеть Пушкин; здесь часто молился А. М. Горчаков в бытность министром, вице-канцлером, а затем и канцлером – вторым человеком в империи. Его жилые покои как главы МИДа находились фактически под храмом.

⁵ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 1996. Т. 2. С. 15.

Первым священником этой церкви до 1842 г. был известный проповедник Ксенофонт Иоаннович Делекторский⁶, а последним – отец Василий Иоаннович Шавельский. Одежда священников хранилась в ризнице, которая находилась не на четвертом этаже, как церковь, а на третьем, под лестницей. Ризница отапливалась шведской изразцовой печкой. На дубовом паркетном полу стоял внушительных размеров шкаф красного дерева, где хранилось облачение священника, а на противоположной стене висело зеркало в раме красного дерева, перед которым священники облачались. В ризнице стояли дубовые столы и стулья. (Д. 97. Л. 191, 192 об.)

На содержание этого храма из казны ежегодно отпускалось 714 рублей, из которых сумма в 600 рублей предназначалась для певчих. Но в казну церкви поступали и пожертвования от различных лиц, в первую очередь – от сотрудников МИДа.

Позднее в архитектуру церкви были внесены некоторые изменения. Так, в 1848 г. над ней был сооружен по-логий купол с крестом, а в 1861 г. все декоративные украшения покрыли вместо серебра золотом. В ноябре 1917 г. в связи с переездом правительства и ликвидацией Министерства храм был закрыт. Часть его имущества была эвакуирована в Кирилло-Белозерский монастырь. В 1920 г. церковь использовалась как красный уголок. Многие иконы были демонтированы, а на их места установлены портреты коммунистических вождей⁷. В этот период церковь существенно не перестраивалась.

Поскольку здание Главного штаба было включено в список архитектурных памятников государственного значения, в 1948 г. в церкви были выполнены реставрационные работы. Они были продолжены лишь в 1980 г., однако прекратились из-за отсутствия средств у арендатора. Установленные в период реставрации леса позволили администрации Государственной инспекции по охране памятников демонтировать отдельные иконы и передать их в Александро-Невскую Лавру.

На сегодняшний день в помещении церкви и в ризнице находится постоянная экспозиция из фондов Государственного Эрмитажа. Выставлена церковная утварь первой половины XIX века. Особое место занимает походный иконостас Александра I, перед которым позднее Александр II тайно венчался со своей второй супругой. Иконостас в царское время находился в личных комнатах Александра I в Зимнем дворце. В ризнице выставляется мемориальный походный литургический прибор Александра I. Выставлены также удивительные по работе серебряные дарохранильницы: мастера Трофима Рябова для церкви местечка Грузино – имения Аракчеева, Карла Беккера для церкви Фарфорового завода. По традиции начала XIX века форма дарохранильницы повторяла форму той церкви, в которую приносилась в дар.

Ценность экспозиции (как в церкви, так и в квартирах министров) заключается в том, что предметы первой половины XIX века находятся в родственных им интерьерах и смотрятся необычайно органично, словно дополняя убранство помещений.

⁶ Делекторский Ксенофонт Иванович – священник, бакалавр СПб Духовной академии (1800 – 1842), где преподавал на кафедре общей словесности. Написал труд «Упражнения в пользу обучающихся словесности». Образцами выставял Жуковского и Пушкина; слог же святителя Филарета (1782 – 1867), митрополита Московского и Коломенского, назвал ребяческим и раздутым. За это был уволен и стал священником церкви МИДа.

⁷ Марков Ю. Церковь Святого благоверного князя Александра Невского при Министерстве иностранных дел // Архитектурные тетради. СПб., 1994. Вып. 1. С. 202.

КАЗЕННАЯ МИНИСТЕРСКАЯ КВАРТИРА ПРИ К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

Первыми хозяевами казенной министерской квартиры в Главном штабе была семья канцлера Карла Нессельроде. И по сей день сохранилась первоначальная отделка квартиры. При оформлении интерьеров Карл Росси не мог не считаться со вкусами будущего хозяина, и получившаяся квартира вызывала восхищение у современников. Она казалась настолько ослепительной, что тщедушная фигурка канцлера приходила с нею в контраст. «Он будет жить в великолепной квартире, но великолепно жить не станет, <...> ни ухваток, ни фигуры, ни привычек нет у него вице-канцлерских <...>. Тут бы жить покойному князю Александру Борисовичу Куракину», – писал Константин Яковлевич Булгаков своему брату в Москву⁸.

И действительно, интерьеры отделаны были искусственным мрамором, только недавно изобретенным в России, на потолке и стенах живопись, выполненная Виги и Скотти по эскизам К. Росси. На окнах – белые кисейные занавески с бахромой и шторы из тафты на подкладке с бахромой. Паркетный пол, бронзовые люстры, мраморные каминные, над дверями – десюдепорты на античные сюжеты.

Каждая комната, согласно эстетике того времени, уставлена мебелью так, что яблоку негде упасть. Например, в кабинете графини находились два больших цельных зеркала в рамах из орехового дерева в готическом стиле, мебель тоже «под готику» – из орехового дерева, обитая французским зеленым шелком: диван с двумя подушками, два цветника, шесть кресел с обивкой, шесть стульев с накладными подушками, шесть табуреток без спинок, вольтерово кресло, кресло к письменному столу, кушетка с горкою и подушкой, два экрана перед камином, ширма, корзина для бумаг, овальный стол перед диваном, письменный стол с ящиками и полками, стол восьмиугольный, круглый маленький стол, одна этажерка, два каменных станка с прибором, бронзовые готические часы, два канделябра о пяти свечах. (Д. 97. Л. 153, 154 об., 155).

Во всей же квартире мебели было на 200 тысяч рублей⁹.

Даже в ванной комнате была живопись. На сосновом паркетном полу, обитом под ванною листованным свинцом, стояла медная вылуженная ванная. К ней вела маленькая двухступенчатая лесенка. Из кранов шла холодная и горячая вода. Помещение, в котором принимала ванну чета Нессельроде, обогревалось изразцовой печью. Стены ватерклозета были окрашены масляной краской. Сосновый пол был обит свинцом, а березовое сиденье окрашено красной краской. Ватерклозет был снабжен «механизмом с водяной машиной».

Квартира самого графа занимала 50 комнат. Она была разделена на женскую половину (сейчас это первые пять залов – часть выставки «Искусство ампира»); половину для приема гостей: две гостиные, официантская, танцевальный зал и столовая; мужскую половину и детскую (у графа было трое детей). (Д. 97).

⁸ Рус. архив. 1901. Кн. 3. С. 185. Булгаков К. Я. (1782 – 1835) с окончания Отечественной войны 1812 г. до 1816 г. – доверенный чиновник дипломатической канцелярии графа Нессельроде, близкий также к императору. В 1816 – 1819 гг. – почт-директор Москвы. С декабря 1819 г. почт-директор Санкт-Петербурга.

⁹ Рус. архив. 1903. Кн. 3. С. 140.

ОБЕДЫ И СВЕТСКИЕ ВЕЧЕРА У НЕССЕЛЬРОДЕ. САЛОН ГРАФИНИ НЕССЕЛЬРОДЕ

У Карла Нессельроде в жизни было три страсти: деньги, цветы и вкусный стол¹⁰. П. В. Долгоруков писал, что если бы судьба размещала людей по справедливости, то Нессельроде был бы обер-гофмаршалом или придворным садовником. Увлечение графа кулинарией отмечали все. «Из разных сведений, необходимых для хорошего дипломата, – желчно писал Ф. Ф. Вигель, – усовершенствовал он себя только по одной части: познаниями в поваренном искусстве доходил он до изящества. Вот чем умел он тронуть сердце первого гастронома в Петербурге, министра финансов Гурьева»¹¹.

На званных обедах у министра гостей потчевали изысканнейшими блюдами: для черепахового супа привозили живую черепаху. На одном из обедов уже во времена заката звезды Нессельроде, в 50-х гг. XIX века, изысканный обед обслуживали лакеи, одетые в пунцовые ливреи, ими руководили шесть метрдотелей при шпаге, в коричневых сюртуках со стального цвета пуговицами в белых атласных жилетах и больших жабо¹².

В квартире графа происходили и камерные балы, на которых бывал Николай I с семьей. К. Я. Булгаков, который был частым гостем на подобных балах, написал: «В субботу был у вице-канцлера, где быть изволит и императорская семья»¹³.

Граф был не чужд музыке, любил и понимал ее. Во время музыкальных вечеров вся квартира благоухала цветами. В большом зале, против среднего окна, стояла огромная фарфоровая ваза, подаренная графу королем прусским. Приемные были украшены старинными картинами итальянской школы¹⁴.

В этой квартире под началом жены канцлера графини Марии Дмитриевны Нессельроде процветал один из самых известных петербургских салонов. Хозяйка этого салона была статс-дамой и кавалерственной дамой. Дочь министра финансов графа Д. А. Гурьева и сестра члена Государственного Совета А. Д. Гурьева, Мария Дмитриевна была очень умной женщиной с твердым железным характером, а по общественному своему положению и влиянию на высший петербургский круг одною из замечательнейших дам в царствование императора Николая I. Она имела очень мало настоящих друзей, но в обществе, созидая и разрушая репутации, она влекла всегда за собою многочисленную толпу последователей и поклонников. Попасть в салон графини Нессельроде представляло трудную задачу; удержаться здесь, при разборчивости и гордости хозяйки, было еще мудренее. Тем же, кто водворялся в нем, это служило открытым пропуском в высший круг.

«В некоторые зимы она принимала ежедневно, но два приемные дня в неделю были уже постоянно, и только в зиму с 1849 по 1850 год графиня, как бы в намерении дать привыкнуть к близкому закрытию ее гостиной навсегда, прекратила обшние свои приемы»¹⁵.

В первые годы своего замужества Мария Дмитриевна жила в Париже, где посещала салоны знатных дам сен-жерменского предместья. Во Франции она встречалась с Шатобрианом, Талейраном, герцогом Ришелье и передовыми роялистами,

¹⁰ Долгоруков П. В. Петербургские очерки 1860 – 1867. М., 1934. С. 240.

¹¹ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1891 – 1892. Ч. V. С. 61.

¹² Рус. архив. 1903. Кн. I. С. 70; Рус. старина. 1903, № 7. С. 276.

¹³ Рус. архив. 1902. Кн. 3. С. 413. (Переписка братьев Булгаковых).

¹⁴ Рус. старина. 1903, № 7. С. 276.

¹⁵ Там же. 1900. № 3. С. 354.

пристрастилась к политике и часто посещала заседания парламента. Возможно, именно в этот период у Марии Дмитриевны возникли планы создания собственного салона, которые она и претворила впоследствии в жизнь. Сын друга Пушкина князь П. П. Вяземский, не называя впрямую имени, вспоминает, что дама, «одаренная характером независимым, непреклонная в своих убеждениях, верный друг своих друзей, руководимая личными убеждениями и порывами сердца, самовластно председательствовала в высшем слое петербургского общества и была последней, гордой, могущественной представительницей того интернационального ареопага, который свои заседания имел в сен-жерменском предместье Парижа, в салоне княгини Меттерних в Вене и салоне графини Нессельроде в доме Министерства иностранных дел в Петербурге»¹⁶.

В салоне вели беседы о серьезной литературе, о высшей администрации и политике – более о внутренней политике, чтобы не скомпрометировать случайно канцлера.

Сама графиня Нессельроде и ее кружок в конфликте Пушкина с Дантесом и в дуэльной истории были на стороне Дантеса, на свадьбе которого с Екатериной Гончаровой графиня была посаженной матерью. Еще в конце 1833 г. между Пушкиным и графиней возник конфликт, т. к. она без ведома поэта повезла Наталью Николаевну на бал в Аничков дворец. Фразу возмущенного Пушкина – «Я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где я сам не бываю» – многие друзья поэта связывали с последовавшим за этим камер-юнкерством. Сам Пушкин и его друзья подозревали М. Д. Нессельроде в сочинении анонимных писем и пасквильного «диплома рогоносца». Причиной ненависти графини Нессельроде к Пушкину была, в частности, приписанная ему эпиграмма на ее отца, Д. А. Гурьева («Встарь Голицын мудрость весил / Гурьев грабил весь народ, / Аракчеев куролесил. / А царь ездил на развод...»), а также реальные эпиграммы на нее (не сохранились)¹⁷.

В 1856 г., после сорокалетнего «правления», министр иностранных дел К. В. Нессельроде уходит со сцены. 17 апреля 1856 г. в тяжелый для России момент, после поражения страны в Крымской войне, министром иностранных дел назначен Александр Михайлович Горчаков.

А. М. ГОРЧАКОВ КАК ХОЗЯИН МИНИСТЕРСКОЙ КВАРТИРЫ

Тебе рукой фортуны своенравной
указан путь и счастливый и славный.

А. С. Пушкин

Александр Михайлович Горчаков был вторым хозяином министерской квартиры. Нессельроде, по-видимому, оставил ему всю казенную обстановку, и переделки здесь были незначительные. Такой вывод напрашивается потому, что все помещения, за исключением будуара и спальни, дошли до наших дней без изменений – в росиевском оформлении.

Служба Горчакова в МИДе началась в тот же день, что и у Пушкина, – 9 июня 1817 г. Но планы в отношении будущей карьеры у них не совпадали. В дипломатии Горчаков видел свое предназначение, он еще в Лицее начал свою подготовку к этому поприщу.

¹⁶ Вяземский П. П. Александр Сергеевич Пушкин, 1826 – 1837 // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 187 – 188.

¹⁷ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Изд. 2-е, доп. и переработ. Л., 1988. С. 290 – 291. (Нессельроде Мария Дмитриевна).

В первые годы он, титулярный советник, ходит на службу в Коллегию иностранных дел на Английской набережной, 32, изучает внешнюю политику России по документам министерского архива. В здание на Дворцовой площади Горчаков переберется почти через сорок лет. Эти долгие годы министр иностранных дел Нессельроде фактически тормозит его карьерный рост. Когда однажды Андрей Иванович Горчаков, дядя Александра Михайловича, обратился к Нессельроде с просьбой оказать содействие в производстве племянника в камер-юнкеры, Нессельроде будто бы ответил: «Да ни за что! Посмотрите, он уже сейчас метит на мое место»¹⁸.

С приходом Горчакова атмосфера в МИДе резко меняется: сокращается количество канцелярий, вводятся строгие экзамены при поступлении в министерство с тем, чтобы привлечь к службе русских людей. Министра окружили талантливые люди, а он стал «богом своего ведомства»¹⁹ и «лицом» внешней политики нового императора Александра II.

О государственной деятельности Горчакова существует большая литература, но нам интересно представить себе его личностные качества, проявляющиеся, в частности, в стенах его министерской квартиры.

«Князя Александра Михайловича Горчакова следует причислить к числу блестящих личностей царствования Александра Второго. Как личность, он имел свои недостатки, свои слабости, но все они охотно предавались тогда забвению при сравнении с некоторыми светлыми чертами этой личности. Во главе этих светлых сторон была его нравственная, так сказать, самостоятельность и та вельможеская старого закала самобытность, которая не позволяла ему нигде и никогда унижаться до каких-либо интриг или заискиваний. Умное лицо его носило отпечаток известной гордости. С подчиненными и с низшими я не запомню когда-либо князя Горчакова гордым, но при Дворе, где так естественно гнется шея и дрожат, как выразился Пушкин, икры ног, я часто любовался Горчаковым. Всегда один из самых приближенных к Государю и к Императрице, он впечатлял изяществом своего грансиньерства и не только стоял головою выше над мирком придворных сплетен и никогда не стихавших интриг, но ни разу не воспользовался своим исключительным положением, чтобы кому-нибудь повредить языком, который у него был остр и умен, или даже кому-нибудь отплатить за дурное слово, против него сказанное. Он презирал все, что было недостойно настоящего вельможи, и рядом с этим он был рабом потребности быть любезным», – писал князь Мещерский²⁰.

В числе недостатков нового министра Мещерский называл его честолюбие и самовлюбленность, приводя этому множество примеров. Как и В. П. Мещерский, тесно соприкасался с Александром Михайловичем Горчаковым по работе и имел возможность наблюдать его в обыденной жизни Федор Иванович Тютчев. Высоко оценивая государственную деятельность министра иностранных дел, и он называл Горчакова «нарциссом собственной чернильницы»²¹.

Из писем Тютчева мы узнаем о некоторых подробностях служебных будней и праздников в министерстве. Так, Федор Иванович описал в письме к жене празднование в МИДе юбилея пятидесятилетия службы Горчакова: «В одиннадцать часов

¹⁸ Светлейший князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах о прошлом // Рус. старина. 1883. № 10. С. 161.

¹⁹ Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 183.

²⁰ Цит. по: Лопатников В. «Россия сосредотачивается»: К 200-летию со дня рождения А. М. Горчакова // Междунар. жизнь. 1998. № 10.

²¹ Тютчев Ф. И. Лирика. М., 1965. Т. 2. С. 378. (Примеч. к стих. «Князю Горчакову»).

мы все собрались в церкви министерства, где была служба, после чего отправились в парадные комнаты, где был выставлен знаменитый альбом <...> вдруг среди тишины твердый и ясный голос возвестил о прибытии императорского рескрипта. Это была очень сердечная телеграмма государя, объявляющая юбиляру о даровании ему звания государственного канцлера <...> Он с трудом сдерживал слезы. И все вокруг были растроганы, что доказывает какая это симпатичная всем натура...»²². К этому юбилею поэт преподнес министру стихотворение:

На юбилей князя А. М. Горчакова

В те дни кроваво-роковые,
Когда, прервав борьбу свою,
В ножны вложила меч Россия –
Свой меч, иззубренный в бою, –
Он волей призван был державной
Стоять на страже, – и он стал,
И бой отважный, бой неравный
Один с Европой продолжал.
И вот двенадцать лет уж длится
Упорный поединок тот;
Иноплеменный мир дивится,
Одна лишь Русь его поймет.
Он первый угадал, в чем дело,
И им впервые русский дух
Союзной силой признан смело, –
И вот венец его заслуг²³.

13 июня 1867 г.

Вспоминая подробности празднования и обеденного застолья в квартире канцлера, Федор Иванович, к сожалению, не оставил такого же подробного описания обстановки квартиры Горчакова. Здесь можно только сделать некоторые предположения.

Скорее всего, квартира министра была увешана картинами, ведь Александр Михайлович был коллекционером произведений живописи – старой и новой школы, русских и иностранных мастеров. Сейчас основная часть его коллекции принадлежит Государственному Эрмитажу. В юбилейном 1998 г., когда праздновалось 200-летие со дня рождения Горчакова, в музее проходила выставка произведений из его коллекции²⁴. Среди этих картин нет мировых шедевров, но все они высокохудожественные работы. Многие из них находятся в постоянной экспозиции музея – это работы Риберы, Декана, Руссо, Тройона. Меньшую часть собрания составляли картины итальянской и нидерландской школ, большую – французской, голландской, немецкой и швейцарской.

Здесь надо отметить, что это собрание уже сложилось к моменту переезда Горчакова в здание на Дворцовой. После 1859 г. он не приобрел ни одной картины. Единственное произведение, которое влилось в собрание уже канцлера Горчакова, был портрет императора Франца Иосифа австрийского художника Г. Ангели (1877).

²² Тютчев Ф. И. Ты, ты, мое земное провиденье. Роман в письмах. М., 2002. С. 393.

²³ Тютчев Ф. И. Лирика. М., 1965. Т. II. С. 197.

²⁴ Картинная галерея А. М. Горчакова: Каталог выставки. СПб., 1998.

В своей квартире на Дворцовой площади в здании Министерства иностранных дел Горчаков прожил около двадцати четырех лет – с 1856 по 1880 г. Поскольку министр жил там же, где и работал, он имел обыкновение в халате и с шапочкой на голове обходить по утрам свою канцелярию.

В 1880 г. Горчаков покинул Санкт-Петербург. Он уехал за границу на лечение, сохранив свой пост. Умер Александр Михайлович в Баден-Бадене в феврале 1883 г. Останки его, согласно завещанию, были перевезены в Санкт-Петербург и захоронены на кладбище Троице-Сергиевой Приморской Пустыни в фамильном склепе. Могила канцлера А. М. Горчакова, считавшаяся утерянной, была обнаружена археологами на территории бывшего кладбища и отмечена памятником²⁵.

В своем завещании, написанном в декабре 1875 г., Горчаков под десятым пунктом отметил: «Завещаю Министерству иностранных дел бюст графа Каподистрии и прошу хранить его в память обо мне в Санкт-Петербургском главном архиве»²⁶.

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ

Министерство финансов в здание Главного штаба переехало после МИДа, так как его помещения были готовы несколько позднее – приблизительно к 1830 г. В Российском государственном историческом архиве хранятся дела «О сдаче комнат отделения Министерства финансов» за 1829 – 1830 гг. (Д. 100. Л. 1). Информация о том, что основные помещения будут совершенно готовы к октябрю 1829 г., но все департаменты перейти в новое здание в течение 1829 г. не смогут, адресована на имя министра финансов Егора Францевича Канкринна.

В первую очередь в здание предполагалось перевести Канцелярию министра финансов и Кредитной части, которая должна была разместиться в покоях 2 этажа против дворца. (Д. 100. Л. 3). Позднее в комнаты 3 этажа по Мойке должен был переехать Департамент государственных имуществ. В июне 1830 г. намечался переезд Департамента горных и соляных дел. Министерство финансов, куда входило огромное число различных департаментов, было структурой куда более сложной, чем Министерство иностранных дел. Поэтому его переезд растянулся на десятилетия, и Министерство целиком в здании на Дворцовой так и не поместилось. В Санкт-Петербурге в XIX веке оно занимало более десяти зданий.

Главные комнаты министерства – приемная и кабинет министра финансов, совет министра, библиотека – расположились на втором этаже окнами на Дворцовую площадь. Комнаты были расписаны «отменною живописью, барельефами под лепную работу с историческими сюжетами и золочеными орнаментами». (Д. 100. Л. 27). Скоро посетители Главного штаба смогут увидеть эти помещения после окончания реставрационных работ.

Многие нижние чины министерства переехали в здание сразу после его сдачи – они получили здесь казенные квартиры. Все квартиры для разных чинов Министерства финансов расположены были на первом этаже. На имя министра императорского двора значится следующее: «... Нижним чинам <...> не нужно нанимать квартир. И можно их поместить в самом доме, в нижних этажах, где покои посуше». (Д. 100. Л. 1 об.) Там же предполагалось разместить и пять сторожей с семьями.

²⁵ Коренцвит В. «Как хороши, как свежи были розы» // Санкт-Петербург. ведомости. 1999. 13 февр. С. 5.

²⁶ Цит. по: Картинная галерея А. М. Горчакова. СПб., 1998.

Отапливались все помещения изразцовыми печами. Министерская политика постоянной экономии государственных средств распространялась и на обслуживание его собственного здания. Канкрину сообщается: «... г. Росси полагает топить печи каждый день, но через комнату по очереди. Сим способом уменьшится потребность дров, а температура воздуха в комнатах будет тепла и суха». (Д. 100. Л. 2).

У Министерства финансов в восточном крыле Главного штаба, помимо присутственных мест и казенных квартир, были и помещения общественного назначения: госпиталь, общая пекарня, прачечная, архивные помещения, а также конюшни, кладовые, погреб, сарай.

Однако ни сам министр финансов Егор Францевич Канкрин, ни ближайшие его преемники в казенной квартире на Дворцовой площади так жить и не будут. На службу они ездят с Дворцовой набережной, 15, где в бывшем доме графа Ю. П. Литты располагался казенный дом министра финансов, ныне многократно перестроенный (соврем. адрес: Дворцовая наб., 8). Он выходил фасадом на Дворцовую набережную, боковой стороной на Аптекарский переулок (ныне этот участок – Мраморный переулок) и вторым фасадом на Большую Миллионную. Там же помещалась и канцелярия министра.

Так что А. Пушкин, обращаясь к Канкрину с прошением о выдаче средств (например, 6 сентября 1835 г.), адресовал его не на Дворцовую площадь, а на Дворцовую набережную²⁷. После трагической кончины поэта Канкрин вел переписку с графом Бенкендорфом о состоянии дел покойного. Особенно коробит начало документа «О сложении со счетов долгов на умершем камер-юнкере Пушкине состоявших, и о прекращении выдачи производившейся ему по 5 тыс. руб.». Начинает Канкрин письмо к Бенкендорфу так: «По случаю кончины камер-юнкера Пушкина *имел я счастье* представлять Государю Императору следующее...»²⁸ [курсив мой. – Т. 3.]

Это место на Миллионной было покинуто министрами только во времена Рейтерна, который наконец-то в 1860 г. решил сменить «старое орлиное гнездо министров на Неве <...> на кукушечье на Мойке»²⁹.

На протяжении всей истории здания Главного штаба широкому кругу посетителей оно было недоступно – здесь находились учреждения, которые имели закрытый характер. Для посетителей Главный штаб впервые открыл свои двери только в 1999 г. Тогда в залах третьего этажа, где в XIX веке размещалась казенная квартира министра иностранных дел, Эрмитаж открыл выставку «Под знаком орла», посвященную прикладному искусству ампира. А позже в соседних помещениях открыли музей гвардии и залы, где расположена постоянная экспозиция, рассказывающая об истории МИДа. В настоящее время после реставрации открывается все больше залов с их подлинной отделкой. Открыта церковь, ризница и помещения второго этажа, где проходят временные выставки.

За пределами данной статьи осталась история здания во второй половине XIX – начале XX века, краткая история пребывания здесь ЧК, события убийства Урицкого в западном вестибюле здания, история пребывания ГУВД в восточном крыле Штаба. Это уже материал для следующей публикации.

²⁷ Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками. Л., 1987. Т. 2. С. 638 – 639.

²⁸ Там же. С. 184.

²⁹ Там же. С. 230.